
Белова А.В.

**«Я СТРАШНО ЗЛА НА МОЮ МАТЬ»:
РЕПРОДУКТИВНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В СЕМЬЯХ
РОССИЙСКИХ ДВОРЯН XVIII–XIX веков***

Belova A.V.

**«I am terribly angry at my mother»:
reproductive rivalry in Russian noble families, of 18 th–19 th centuries**

Столкновение между матерью и дочерью в дворянских семьях объясняется разрушением границ между поколениями при наступлении половой зрелости дочерей. Раннее замужество матерей и, соответственно, раннее рождение у них первых дочерей определяли между ними возрастную разницу примерно лет в восемнадцать, а то и меньше. Это приводило к тому, что довольно скоро и те и другие оказывались в пределах репродуктивного возраста, при этом дочери воспринимали положение матерей как преимущественное по сравнению со своим собственным.

Будучи физически развитыми, чтобы выполнять репродуктивную функцию, юные женщины в то же время не были готовы к материнским обязанностям, к воспитанию детей, особенно дочерей, которые не могли быть оценены даже как продолжательницы дворянского ро-

* Белова А.В. «Я страшно зла на мою мать»: репродуктивное соперничество в семьях российских дворян XVIII–XIX веков. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-strashno-zla-na-moyu-mat-reprodukтивnoe-sopernichestvo-v-semyah-rossiyskih-dvoryan-xviii-xix-vekov>

да. Рано вышедшая замуж девушка и в семье мужа оставалась ребенком, ее переход во взрослое состояние не был эмоционально-психологическим обосблением.

Тотальный контроль со стороны взрослых и жесткое ограничение свободы поведения и самовыражения в доме родителей перекрывали все пути для формирования ее в качестве целостной и независимой личности. К этому добавлялось объективное старшинство супруга по возрасту – в то время обычной считалась разница в возрасте супругов в 10–20 лет, хотя она могла быть и большей.

Кроме того, дворянские девушки, за редким исключением, находились в полном неведении относительно физиологии сексуальных отношений и строении репродуктивной системы. Сексуальность вне брака и вне репродуктивных функций оставалась для дворянок неизведанной областью. Запрет на сексуальное «взросление» легко объясним тем, что сексуальность женщины в то время считалась принадлежностью не ее самой, а мужчины, чьей женой она должна была стать.

Крайняя степень непросвещенности в вопросах половых отношений мешала девушкам осознать собственную сексуальность, а, значит, и изменения своей телесности и влияние этих изменений на поиски собственной гендерной идентичности. Поэтому замужество ею воспринималось, прежде всего, с религиозно-нравственной точки зрения. В мысленных построениях юной дворянки брак обретал черты асексуального духовного союза, основанного на эмоциональной привязанности и близости интересов.

Только став обладательницей брачного опыта, не всегда удачного, пережив многочисленные беременности, но вместе с тем и обретя собственное «тело», некоторые дворянки совершали «удачный» выход из подросткового периода и уже на новом уровне осознания себя вступали в более равноправные и гармоничные отношения.

Зачастую это приводило к тому, что дворянки вновь переживали материнство, имея уже старших дочерей, вступивших в период фертильности, а с ним и некоторые семейные коллизии. В первой половине XIX в. «позднее» материнство женщины при наличии достигшей фертильности дочери, в общем, воспринималось как обычная практика. Но со стороны дочери и ее ровесниц такая ситуация подлежала скрытому осуждению. Девушки видели в молодых материах безответ-

ную угрозу репродуктивным интересам своего поколения. Однако матери 34, 39 и даже 42 лет, еще способные родить, не стремились сменить позицию «матери», так или иначе отождествляемую с сексуальной привлекательностью, на позицию «бабушки», нередко изображаемой в качестве асексуального существа в характерном чепце. Поэтому не только инфантильные дворянские девушки не стремились к избавлению «от материнской зависимости», но и матери не спешили отпускать их от себя, порождая тем самым сложности в отношениях, особенно со старшими дочерьми.

Внутренняя мотивация «устранения соперницы» вынуждала «молодых» матерей не признавать наступившей зрелости старшей дочери, что выражалось в эмоционально-психологическом сопротивлении ее переходу из категории детей в категорию взрослых, усилении властного нажима, публичной демонстрации материнской власти над дочерью.

Например, мать в присутствии всех родственников могла заявить, что «оставляет» 26-летнюю дочь, не может «взять» ее с собой, кодируя, таким образом, девушку как «ребенка», как существо пассивное, лишенное собственного волеизъявления, нанося ей болезненный удар. Преднамеренное удержание взрослой дочери в позиции «детей» символизирует отказ матери от собственного перехода в иную возрастную и ролевую категорию, таящую для нее угрозу утраты обретенной и осознанной сексуальности.

Больший, чем у их неискусленных дочерей, опыт в сексуальной сфереставил матерей в более выигрышную позицию в конкуренции за внимание мужчин. Часто внимание зятя, не сумевшего приобщить к своим интеллектуальным занятиям свою юную жену, обращалось на тещу, в которой он находил интересного собеседника, и это общение вскоре могло обрести большее значение, нежели того требовали формальные отношения свойства.

В условиях замкнутости усадебной жизни, ограниченности круга общения и дефицита потенциальных женихов поколение старших дочерей испытывало ощущение безотчетной угрозы своим матримониально-репродуктивным интересам со стороны матерей, обладавших к тому же еще и имущественной состоятельностью. В обстановке дворянской жизни с четко закрепленными семейными ролями мать и дочь невозможно представить «подругами».

Подобная модель отношений «мать – дочь» придавала каркас прочности традиционному дворянскому сообществу. Наличие властной составляющей этих отношений предопределяло неравноправность последующих отношений в браке. Репродуктивное соперничество являлось следствием сравнительно низкого брачного возраста дворянок, воспроизведенного каждым следующим поколением. Матери, также находясь в подчиненном положении, не стремились их преодолеть, выстраивая иные внеиерархические отношения со своими взрослыми дочерьми. Напротив, они либо компенсировали за них счет собственную несвободу, либо пытались сберечь от них с таким трудом обретенную внутреннюю свободу. Дочери усваивали, что статус материнства несет в себе, прежде всего, властную, а не эмоциональную составляющую, и воспроизводили данный опыт отстаивания идентичности в каждом следующем поколении.

Фетисова Т.А.